

Глава 31. Заповедь «Не убей»

Юй Уцюэ стремительно летел на мече. В руках Хэ Бугуя ожил черный кровавик: его тусклое свечение вдруг собралось в плотный луч, указав ровно в ту сторону, куда правил юноша.

То ли парень угадал наобум, то ли действительно что-то знал, но Хэ Бугую вдруг захотелось устроить ему проверку.

— Где они договорились встретиться с сестрой Лань? — спросил Хэ Бугуй.

— Не знаю, она лишь велела ждать вестей, когда придет время, — отозвался Юй Уцюэ.

— И зачем тогда так уверенно гнать в эту сторону? А если промахнулся? Только время потеряем.

Юй Уцюэ усмехнулся и покрепче вцепился в рукав наставника.

— Раз шифу молчит и не поправляет меня, значит, летим правильно. К тому же в ночном воздухе пахнет не только кровью, но и гарью от просяной соломы. Такую жгут лишь во время праздничных подношений. Держу пари, неподалеку стоит либо родовое святилище, либо храм.

Эта поездка лишь со стороны казалась легкой прогулкой. Хэ Бугуй не раз наставлял ученика: в пути нужно глядеть в оба и прислушиваться к каждому шороху, чтобы всегда владеть инициативой. Поэтому еще днем, едва они ступили в Цюланчэн, Юй Уцюэ приметил и заучил все окрестности до мельчайших деталей.

Он помнил, что в десяти ли от города стоял почтовый тракт. Место хоть и небольшое, но оживленное: постоялый двор, харчевня, чайные лавки и даже крошечный базар. Многие путники не заходили в город, предпочитая отдыхать там. Если Лин Лань искала людей, то лучшего укрытия или места для сбора слухов было не сыскать.

К тому же торговцы там ютились в простых, потрепанных одеждах — явно не городские, а бедняки из соседних деревень. Место для заработка они всегда выбирали так, чтобы добираться было удобно из любой округи.

А в таких краях у дорог непременно строят храмы в честь местных божеств. Запах паленой соломы, донесенный ветром, был настолько густым, что перебивал аромат крови даже за десяток ли. Из этих крупниц Юй Уцюэ и сложил свою догадку.

«А малый не промах», — подумал Хэ Бугуй.

Вслух он ничего не сказал, лишь невнятно хмыкнул в знак согласия.

Юй Уцюэ сразу понял, что оказался прав, и самодовольно заулыбался:

— Шицзунь, ну как? Сдал я этот экзамен?

— Определять направление и расстояние по скорости ветра было бы куда быстрее, — отозвался Хэ Бугуй.

Юй Уцюэ разочарованно причмокнул губами:

— Этому меня еще не учили.

— В другой раз покажу, — Хэ Бугуй крепче сжал его плечи. — Считай, что на этот раз с натяжкой зачел. Сбавляй скорость и прячься. Перед храмом люди.

Небольшой двор перед храмом Горного духа кишел вооруженными заклинателями. Напряжение в воздухе звенело, словно натянутая тетива. В самом центре несколько человек вели яростный спор, а вокруг них клубились темная энергия и запах крови. Гуляли резкие порывы ветра, всюду полыхали активированные боевые массивы — дело шло к резне.

— Шицзунь, — прошептал Юй Уцюэ, — Тинфан и остальные внутри?

— Да.

Черный кровавик в руке пульсировал без остановки — вторая часть артефакта определенно находилась здесь. Вот только вокруг храма собралось не меньше полусотни человек. Судя по разношерстным одеждам, здесь сошлись представители по меньшей мере четырех орденов.

Юэ Тинфан с товарищами всего лишь ждали Лин Лань. Что же привело сюда такую прорву народа? И о чем они спорят?

Учителя и ученика одновременно одолело любопытство.

Вытащить ребят не составило бы труда: когда рядом Хэ Бугуй, едва ли кто-то осмелился бы встать у него на пути или поднять руку на его учеников. Однако вламываться напролом не хотелось — это нарушило бы шаткое равновесие, так и не позволив докопаться до сути происходящего.

Юй Уцюэ поглядел на спорящих еще немного и вздохнул:

— Отсюда ничего не разобрать. Вот бы подобраться поближе и послушать.

«Мне тоже любопытно», — мысленно согласился Хэ Бугуй.

Вслух же он спросил:

— Как у тебя с техникой смены обличья?

— Честно говоря, умею превращаться только в воробья, — признался Юй Уцюэ.

Хэ Бугуй промолчал, лишь многозначительно приподнял бровь.

Впрочем, сойдет и воробей.

Кивнув на храм Горного духа, Хэ Бугуй скомандовал:

— Оборачивайся и лети туда. Действуй по обстоятельствам.

Юй Уцюэ не солгал: его воробей оказался на редкость упитанной серой птахой. Лететь сам он почти не мог, так что белой птице, в которую обратился учитель, пришлось тащить его на себе. Попутно Хэ Бугуй вовсю честил нерадивого ученика мысленным взором и крепким словом.

Рядом с наставником юноша чувствовал себя форменным недоразумением. Хэ Бугуй, рожденный бессмертным журавлем, даже в чужом обличье сохранял изящество. Он щеголял благородным хохолком на голове и белоснежным оперением, выглядя на редкость величественно.

Белый воробей активно махал крыльями, намертво вцепившись когтями в загривок серого толстяка. Юй Уцюэ смирился со своей участью и безвольно повис в лапах учителя, стараясь лишь посильнее прижать заколку-артефакт к своему пушистому брюшку и прикрыть ее крылом.

Птицы бесшумно скользнули под своды храма. Юэ Тинфан, Лин Сяо и У Цинлань лежали в пыльном углу, связанные путами бессмертных. Серьезных ран у них не было, лишь рты перекрывали безмолвные талисманы. Панике они не поддавались.

Охраняли пленников люди в черных плащах. Во главе стояла женщина с тревогой на бледном лице — она то и дело оглядывалась назад, вглубь святилища, а затем всматривалась в происходящее во дворе.

Серый воробей ткнул крылом белого напарника, направляя мысленный зов:

«Шицзунь, гляди! — раздался в голове Хэ Бугуя голос ученика. — Это та самая грозная госпожа, которую мы видели днем. У нее еще татуировка в виде ласточки между бровей»

«Ее зовут Я Ин, — мысленно отозвался наставник. — Она супруга Янь Циншаня, главы Зала Яростных Ласточек»

«Ох ничего себе! — ахнул Юй Уцюэ. — Выходит, Тинфана и остальных схватили люди Секты Освобождения из Ада? Плохи наши дела»

«Я Ин не станет причинять им вред, — успокоил его учитель. — Сначала посмотрим, что творится во дворе»

Птицы выпорхнули во двор и устроились на потолочной балке под навесом. Отсюда вся картина предстала как на ладони.

Хуа Фэньюй, глава отделения Врат Сюаньцзе, во главе своих людей рвался внутрь храма. Путь ему преграждал дюжий детина с лицом, иссеченным старыми шрамами — Сян Цзунтянь, левый протектор Храма Кровавой Бездны. Чуть поодаль, у ворот, раздавался томный смех. Там, облаченная в полупрозрачные шелка, восседала писаная красавица — Чжан Иньинь, глава Обители Сяояо. За ней ухаживали пятеро смазливых юношей: кто плечи массировал, кто обмахивал веером, кто подносил благовония да чай. Стоило кому-то угодить госпоже, как она, никого не стесняясь, одаривала любимчика звонким поцелуем в щеку.

Подобное бесстыдство посреди смертельной опасности заставило Юй Уцюэ мысленно зажмуриться от отвращения.

«Ну и ну... — проворчал мысленно юноша. — Что это за орден такой диковинный? Настоящий вертеп»

Белый воробей демонстративно отвернулся.

«Обитель Сяояо практикует парное совершенствование, — пояснил Хэ Бугуй. — Нравы у них, мягко говоря, вольные. У их главы аж девять фаворитов, и каждый служит ей сосудом для укрепления сил. Сама же Чжан Иньинь давно достигла непостижимых высот»

Обитель Сяояо и Храм Кровавой Бездны подчинялись Секте Освобождения из Ада. Они взяли людей Врат Сюаньцзе в клещи, а ведь внутри храма укрывались еще и бойцы Зала Яростных Ласточек.

Расклад три к одному явно сулил Вратам Сюаньцзе скорую гибель, однако Хуа Фэньюй и бровью не повел. Он грозно выкрикнул:

— Если не выдадите отпрысков семьи Лин, живыми отсюда не уйдете!

— Глава Лин Сы погубил нашего правого протектора прямо во Дворце Небесного Предела. Мстить за своего — наш долг. А вот тебе-то что за дело? — Чжан Иньинь сладко рассмеялась. Ее голос струился шелком, а в ее влажных глазах таилась лукавая ласка. — Полно тебе, рулевой Хуа. Если заришься на Город Бессмертия, иди да пытай счастья у Бессмертного Тайвэя. Ах да, у тебя же духу не хватит... Так зачем мешать чужой мести?

Хуа Фэньюй усмехнулся:

— Глава школы Чжан изволит шутить. Если месть — достойный предлог, то защита адептов Дворца Небесного Предела — причина не менее благородная.

— Засунь свои благородные басни себе в задницу! — рявкнул Сян Цзунтянь.

Протектор взмахнул широким тесаком. Тотчас за воротами всколыхнулся багровый туман, и из земли полезли гниющие мертвецы, отрезая Вратам Сюаньцзе путь к отступлению. Сян Цзунтянь смачно сплюнул под ноги и процедил:

— Секта Освобождения из Ада и Дворец Небесного Предела тут ни при чем. Если прольется кровь, это будет наша личная вражда. А личные счета мы сводим до гробовой доски! В бой!

Двор мгновенно превратился в бурлящий котел. Бойцы Врат Сюаньцзе искусно владели мечами и числом не уступали противнику, успешно отражая лобовые атаки Храма Кровавой Бездны. Но мертвецов снаружи прибывало все больше — на месте павших тут же поднимались новые, наполняя округу невыносимым смрадом гниения. Вдобавок в дело вмешалась Обитель Сяояо. Их чары оказались на редкость коварными: сладкий, дурманящий аромат цветов, окутавший поле боя, вызывал ломоту в теле и туманил разум. В головах воинов вспыхивали греховные видения, лишая их воли и увлекая в пучину похотливого бреда.

Серый воробей судорожно дернулся, собираясь чихнуть, но белое крылышко заботливо прикрыло его клюв, пресекая всякий шум.

Молодые ученики Врат Сюаньцзе лихо рубили нежить, но стоило им сойтись в бою с прелестными девами, как мечи их начинали дрожать. К тому же каждую прелестницу прикрывали несколько преданных юношей. Сами по себе они воевать не умели, но исправно подпитывали своих повелительниц духовной силой. Одолеть такую связку оказалось задачей не из легких.

Обе птицы замерли, наблюдая за побоищем с высоты.

Хэ Бугуй не горел желанием вмешиваться, а Юй Уцюэ и вовсе наслаждался зрелищем.

«Шицзунь, Врата Сюаньцзе те еще проныры, а уж эти двое из Секты Освобождения из Ада — и вовсе отребье, — мысленно усмехнулся Юй Уцюэ. — Пускай грызутся, нам же лучше»

«Лети в храм и жди, — велел Хэ Бугуй. — Как все утихнет — забереешь парней. И помни: с людьми Зала Яростных Ласточек в драку не вступай»

«А если они сами полезут?»

«Я Ин пальцем тебя не тронет»

«Это еще почему? Пойдите, шицзунь!..»

Но белый воробей уже сорвался с балки и растаял в ночной синеве. Озадаченный Юй Уцюэ мысленно вздохнул и полетел обратно в полумрак святилища.

Коснувшись пола, он вернул себе человеческий облик и заслонил собой пленников. Охрана из Зала Яростных Ласточек от неожиданности схватилась за рукояти, а связанные ребята изумленно вытаращили глаза. На всякий случай Юй Уцюэ тут же призвал своих марионеток.

Однако Я Ин, едва взглянув на незваного гостя, жестом приказала своим людям опустить клинки. Лицо ее смягчилось, а в глазах отразилось смятение.

— Ты... — неуверенно выдохнула она.

Заметив ее колебание, Юй Уцюэ скомандовал марионеткам убрать оружие и заняться веревками ребят. Сам же он вежливо поклонился:

— Меня зовут Юй Уцюэ. Я пришел за своими друзьями и не желаю вам зла. Мы виделись сегодня утром на улицах Цюланчэна, уважаемая госпожа.

— Юй Уцюэ... Надо же, как вырос, — прошептала Я Ин. Ее суровый взгляд потеплел, в нем промелькнуло нечто, подозрительно похожее на материнскую нежность. Осознав, что выдала себя, она поспешно напустила на себя строгий вид: — Забирай их и уходи. Тихо, без лишнего шума. Если вас заметят те, снаружи, я не смогу вас защитить.

Путы бессмертных на ребятах висели чисто для вида и лопнули от легкого прикосновения — Я Ин явно не собиралась держать их взаперти силой. Стоило сорвать с губ безмолвные талисманы, как Юэ Тинфан схватил друга за плечо:

— Уцюэ! Снаружи ведь люди из Храма Кровавой Бездны! Как ты пробрался?

Лин Сяо помог подняться У Цинланю и добавил:

— Там во дворе суматоха. Кажется, пришли из Врат Сюаньцзе?

— И они тоже, а еще эти развратники из Обители Сяояо, — Юй Уцюэ принялся отряхивать друзей от соломы и пыли. — Заварилась знатная каша. А где сестра Лань?

— Мы ее так и не встретили, — вздохнул Юэ Тинфан. — Постой, так Врата Сюаньцзе явились нам на выручку?

— Да какое там, только под ногами путаются, — фыркнул Юй Уцюэ. — Пусть себе дерутся, мы уйдем сами.

— Но как мы выберемся из этого пекла? — занервничал У Цинлань. — Нам с ними не сдюжить! Там и протекторы, и старейшины, да еще мертвецов целая армия...

Юй Уцюэ самодовольно ухмыльнулся:

— Не дрейфь. Мой шифу ждет снаружи. Уж он-то нас выведет, так что без паники.

В этот момент снаружи раздался ритмичный скрежет механизмов. В ворота, мерно покачиваясь на спине ездового зверя Лушу, въехал Кунчжи.левой рукой он щедро швырял вокруг себя диковинные бобы, правой рассыпал желтую пыль, и с каждым хлопком земля рождала деревянных воинов-марионеток.

Их деревянные клинки замелькали с бешеной скоростью, снося головы восставшим мертвецам. Даже тех тварей, что лишь наполовину выбрались из могил, марионетки намертво пригвоздили к земле тяжелыми копьями.

Расправясь с нежитью, марионетки выстроились ровными шпалерами, пропуская своего предводителя вперед.

— Мой господин велел забрать учеников, — невозмутимо объявил Кунчжи, окинув взглядом онемевших бойцов. — Гляжу, тут повсюду мертвечина. Я уж грешным делом подумал, что кто-то раскопал старый погост, а вы, оказывается, силой меряетесь. Прошу простить, что помешал вашему веселью.

С самым любезным видом он кивнул предводителям орденов и направился напрямик к дверям храма:

— Не обращайтесь на меня внимания, забираю ребят и ухожу.

— Стоять! — преградил ему дорогу Сян Цзунтянь. — Думаешь, явился со своими деревяшками и можешь хозяйничать?

Кунчжи медленно повернул голову. Его улыбка мгновенно стала зловещей:

— Деревяшками? Повтори-ка, что ты сказал?

Зверь Лушу сделал шаг вперед и с хрустом раздавил череп валявшегося под ногами мертвеца. Из-под его копыт вырвалось золотое пламя. При желании эта тварь могла в одно мгновение выжечь весь двор дотла.

— Вы мне дорогу загораживаете, — вежливо захлопал ресницами Кунчжи. — Будьте любезны, отойдите.

Марионетка унаследовала от своего создателя на редкость скверный и заносчивый характер. Сян Цзунтянь уже занес клинок, но Чжан Иньинь вовремя придержала его за локоть и зашептала на ухо:

— Раз пришел слуга Хэ Бугуя, значит, и сам хозяин где-то рядом. Просто марать руки не хочет. Остынь, протектор Сян, нам с ним не совладать.

Тот нехотя скосился на двери храма:

— Мальчишка из клана Лин у нас в руках. Жаль упускать такую добычу.

— Время еще придет. Сейчас ссориться с Дворцом Небесного Предела — себе дороже. Хэ Бугуй непредсказуем. Раз он прислал слугу только за своими, в наши разборки с Вратами Сюаньцзе он не полезет. Пусть забирает.

Сян Цзунтянь шумно выдохнул сквозь зубы и, продолжая испепелять Кунчжи яростным взглядом, все же опустил тесак и шагнул в сторону. Хуа Фэньюй, прекрасно знавший, на что способны марионетки бессмертного, тоже поспешил ретироваться.

— Раз уж достопочтенный старейшина прислал помощь, нам здесь делать нечего, — делано усмехнулся он. — Сворачиваемся.

Люди Храма Кровавой Бездны расступились, а охранявшие вход бойцы Зала Яростных Ласточек послушно посторонились. Но когда из полумрака храма под руку с друзьями вальяжно вышел Юй Уцюэ, Хуа Фэньюй ощутимо напрягся, а Сян Цзунтянь едва не лишился дара речи.

По сравнению с Лин Сяо, этот юнец был поистине царской добычей. Заполучить его — означало открыть себе прямую дорогу к тайнам Города Бессмертия. Но за его спиной незримой стеной стоял Хэ Бугуй, и рисковать головой никто не решался.

Лишь Чжан Иньинь всюду пожирала юношу похотливым взором. Когда он проходил мимо, она томно протянула:

— Наслышана о прелестях молодого господина Юя, но воочию ты еще краше. Если надумаешь познать радости парного самосовершенствования, заглядывай к своей сестрице Иньинь. Обещаю, скучно не будет.

Юй Уцюэ даже взгляда в ее сторону не бросил. Проходя мимо искусительницы, он затаил дыхание, боясь вдохнуть дурмящие благовония и опозорить учителя, и лишь прибавил шаг, увлекая друзей за собой.

— И про тебя я не забыла, крошка Юэ, — Чжан Иньинь лукаво прищурилась, проведя пальчиком по своим губам, и подмигнула Юэ Тинфану: — Помни, о чем мы договаривались.

Под защитой деревянного воинства беглецы беспрепятственно миновали оцепление. Зверь Лушу на сей раз тащил за собой просторную повозку. Кунчжи бесцеремонно затолкал ребят внутрь кузова, отозвал марионеток и неспешно тронулся в путь.

Стоило им отъехать подальше, как Кунчжи выдернул Юй Уцюэ наружу и всучил ему плотный сверток темной ткани:

— Эту троицу я доставлю в безопасное место. Но дело еще не закончено. Переодевайся в ночной наряд и немедленно возвращайся к господину.

Раз учитель не появился лично, значит, у него были свои планы. Переодевшись, Юй Уцюэ снова обернулся воробьем и полетел на поиски. Вскоре на ветке старого дуба у дороги он приметил крошечную белую птицу. Птаха сидела, гордо выпятив грудь, и всем своим видом излучала бессмертное величие и ледяное презрение к миру.

Серый воробей грузно плюхнулся рядом. Тонкий сук угрожающе затрещал под его весом. Белая птица недовольно покосилась на неуклюжего попутчика.

«Шицзунь, чего мы ждем?»

«Я Ин вела себя странно, — отозвался Хэ Бугуй. — Настороженность в ее действиях выдавала крайнее замешательство. Появление Храма Кровавой Бездны и Обители Сяояо явно спутало ей все карты. Сдается мне, пришли они вовсе не по душу людей нашего Дворца»

«И то верно, — согласился Юй Уцюэ. — Когда я развязывал ребят, узлы на веревках едва держались. Охраняли их спуская рукава, а Я Ин даже бровью не повела, когда я уводил пленников. Цинлань еще шепнул, что если бы не ее заступничество, Сян Цзунтянь давно бы их

прирезал»

«Настоящая игра начнется, когда толпа рассеется, — подтвердил наставник. — Мертвецов, затаившихся в округе, слишком много для простой стычки. Ждем»

Серый воробей засеменил лапками по ветке, пододвигаясь вплотную к белому напарнику, и бесцеремонно привалился к нему своим мягким упитанным боком. Белая птица удивленно повернула голову:

«Ты чего ластишься?»

«Да я за вас переживаю, шицзунь. Вдруг замерзли на ветру?»

«Не замерз. Отодвинься»

Серый толстяк даже не подумал сдвинуться с места, лишь принялся любопытно вращать черными бусинками глаз.

«А почему вы сами не вышли к ним? — полюбопытствовал Юй Уцюэ. — Одного вашего взгляда хватило бы, чтобы вся эта шобла разбежалась без всяких марионеток»

Появись Хэ Бугуй лично, он бы не просто распугал стервятников, а втянул бы Дворец Небесного Предела в мелкие распри трех орденов. Сам-то он мог уйти в любой момент, но расхлебывать кашу и улаживать дела с другими школами пришлось бы Бай Инчи.

В последнее время Хэ Бугую слишком часто приходилось разгребать чужие завалы, и он наконец-то начал понимать, как тяжело дается старшему брату его вечное покровительство. Пришлось учиться сдерживать нрав.

«Не хочу усложнять жизнь твоему старшему брату»

«А, так мы поэтому в черных одеждах? — догадался юноша. — Чтобы не светиться, если придется драться...»

Договорить он не успел — ночную тишину прорезал пронзительный птичий клекот. Перья на спине белого воробья мгновенно встали дыбом.

Это был зов о помощи, особый язык крылатых чудовищ, понятный лишь их сородичам.

«Залу Яростных Ласточек крышка, — раздался в голове Юй Уцюэ голос учителя. — Их окружила орда нежити. Твари рвут их на части»

«Ого, вы и птичий язык понимаете? Ах да, вы же у нас тоже из пернатых... То есть, из благородных бессмертных журавлей, конечно же!»

Времени на препирательства не оставалось. В голове Хэ Бугуя созрел дерзкий план. Подхватив серого воробья, он стрелой понесся на крик. Опустившись в густых зарослях неподалеку, они вернули себе человеческий облик. Оба облачились в черные ночные одежды и скрыли лица темными масками.

Впереди бушевал сущий ад. Мертвецов здесь оказалось в разы больше, чем у храма. Осатаневшие твари глухой стеной окружили остатки отряда Зала Яростных Ласточек, терзая раненых и заживо пожирая отставших.

— Нам нельзя раскрывать себя, значит, марионетки отпадают. И фамильные приемы Дворца Небесного Предела тоже под запретом, — прошептал Юй Уцюэ, покрепче перевязывая маску и сжимая рукоять меча. — Шифу, как драться будем? Ой!

Из широкого рукава Хэ Бугуя скользнули тончайшие серебряные нити. Они мгновенно опутали тело юноши, мягко проникая сквозь одежду в ключевые акупунктурные точки. Чужая духовная сила хлынула в меридианы Юй Уцюэ, отозвавшись легкой, покалывающей дрожью и заставив его сердце испуганно сжаться.

В то же время нити соткали вокруг него невидимый защитный барьер, надежно укрыв от любых внешних ударов. На эту защиту Хэ Бугуй пустил добрую половину сил, накопленных за день.

— Побудешь моей марионеткой, — не допускающим возражений тоном произнес Хэ Бугуй. — Твое дело — направлять духовную силу, обо всем остальном позабочусь я сам.

Юй Уцюэ азартно прищурился:

— Звучит просто безумно! Ладно, я готов делиться силой. Что дальше?

— Чему я учил тебя сегодня утром? — вдруг спросил наставник.

У Хэ Бугуя вошло в привычку устраивать проверки в самый неподходящий момент. Благо Юй Уцюэ памятью обделен не был и без запинки оттараторил наизусть:

— «Небеса наделены милосердием к живому, земля — щедростью к сущему, а благородный муж — стремлением созидать прекрасное. Не твори зла, приумножай добродетель — таков незыблемый закон для идущего по Пути».

— Прекрасно. А теперь слушай следующий урок, — Хэ Бугуй опустился на землю, скрестив ноги. Его пальцы замелькали в воздухе с неуловимой быстротой, и серебряные нити рывком швырнули Юй Уцюэ в самую гущу беснующейся нежити.

Появление живой плоти действовало на мертвецов как красная тряпка на быка. Твари взвыли, уставившись на него горящими зелеными глазницами, и потянулись к юноше костлявыми когтями, жажда разорвать его на куски.

Но ведомый волей учителя Юй Уцюэ двигался подобно тени. Его клинок выписывал в воздухе немыслимые кульбиты — движения были резкими, рваными, совершенно непохожими на изящный стиль Дворца Небесного Предела. Хлесткие, смертоносные удары градом посыпались на нежить. Не успел Юй Уцюэ опомниться, как первая волна нападавших превратилась в груды гнилого мяса и дробленых костей.

Близость смерти и свист рассекаемой плоти кружили голову, пробуждая в глубине души первобытную ярость.

Юй Уцюэ впервые участвовал в столь безумной резне. Он чувствовал дикую смесь восторга и первородного страха. Руки по локоть окрасились черной гнилостной жижей, и пусть это была не теплая человеческая кровь, молодого заклинателя все равно пробирала нервная дрожь.

«Шицзунь, долго мне еще рубить их? — взмолился Юй Уцюэ. — Этот ваш урок... какой-то чересчур кровавый»

Юноша чувствовал, как в нем закипает безумие боевого ража. Бессмертная Тайцин всегда твердила, что мастера меча чаще других сходят с ума и поддаются внутренним демонам из-за обилия пролитой крови.

Но Хэ Бугуй словно не замечал опасности, заставляя его косить врагов направо и налево, будто капусту на огороде. Слишком уж все это походило на темные искусства.

В сознании Юй Уцюэ раздался тихий, вкрадчивый смешок наставника.

Хэ Бугуй давно усвоил простую истину: порой лишение жизни — это единственное спасение, а истинное милосердие должно быть с кулаками. Понять суть этого кровавого избавления под силу лишь тем, кто по колено исходил изнанку этого мира. Хэ Бугуй всегда шел своей тропой — извилистой, опасной и пугающей. Догмы праведных орденов и слащавые речи о всепрощении были не для него.

Раз уж Бессмертного Тайвэя все считали безумцем со скверным нравом, то и методы обучения у него были под стать репутации.

«Этот урок зовется "Заповедью убийства". И сегодня я научу тебя нарушать ее правильно»

<http://bllate.org/book/20165/2213762>